

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ИСТОРИЯ
ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ
80 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ**

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS
AND HISTORY OF MILITARY PSYCHOLOGY
80 YEARS OF GREAT VICTORY**

УДК 159.99

DOI: 10.25629/RMPJ.2025.01.01

**ПОДВИГ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПСИХОЛОГОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ – ЗЕРКАЛО ДЛЯ ПОТОМКОВ**

Караяни А.Г.

Академия войск национальной гвардии

Аннотация

В статье рассматривается исторический опыт отечественных психологов в годы Великой Отечественной войны, подчеркивая их вклад в оборону страны и развитие психологической науки. Автор показывает, что война потребовала экстренного перевода психологической практики на военные рельсы, что стало вызовом для научного сообщества. Анализируя документы и литературные источники, исследование выявляет многообразие задач, поставленных перед психологами: от разработки методов маскировки объектов и повышения эффективности ночного зрения до создания технологий психологической реабилитации раненых и оптимизации управления войсками. В условиях нехватки ресурсов и эвакуаций ученые быстро организовывали рабочие коллективы, что способствовало не только военным достижениям, но и закладывало основу теоретических знаний в психологии. Выводы работы свидетельствуют о том, что подвиг психологов военного времени стал фундаментом для формирования современной отечественной психологической науки и остается актуальным в решении современных задач обороны и безопасности. Статья подчеркивает необходимость дальнейшего изучения и использования опыта военных психологов для совершенствования научной и практической деятельности в условиях кризиса, что особенно важно в преддверии 80-летия Великой Победы. Исследование демонстрирует, что опыт психологов, накопленный в экстремальных условиях войны, является ценным ресурсом для современной практики. Привлечение этого наследия способствует развитию инновационных методов психологической поддержки, улучшению качества обороны и безопасности, а также формированию сплоченного научного сообщества, способного оперативно реагировать на вызовы кризиса.

Ключевые слова

Великая Отечественная война, психологическая наука, отечественная психология, отечественные психологи, маскировка, психологическая помощь, психологическая реабилитация

Об авторе

Караяни Александр Григорьевич, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры военно-политической работы

Введение

Специальная военная операция стала самым масштабным военным столкновением двух мощнейших военных противников на Земле: России и объединённых сил коллективного Запада. Объединение более 50 стран Европы, Северной и Южной Америки, Азии, Австралии и Океании, выступивших против нашей страны термином «коллективный Запад» – это не попытка сгустить краски и придать важности рассматриваемой проблеме. Это отражение сложившейся реальности. Действительно пять десятков государств во главе США объединились, чтобы «нанести стратегическое поражение», то есть физически уничтожить Россию. Госсекретарь США М. Рубио прямо признается в том, что происходящие в зоне СВО события, – это «прокси-война между ядерными державами: США, помогающими Украине, и Россией»¹. Об этом же открыто заявлял экс-премьер Великобритании Б. Джонсон, утверждавший, что Запад воюет с Россией, но воюет «чужими руками»². Более того, руководители многих европейских стран, по существу, объявили нашей стране открытую, но «отложенную во времени войну», указывая на возможность наступления ее активной фазы в 2029-2030 годах.

На карту в этом столкновении, как и в 1941 году, поставлена судьба нашего государства, общества, народа, неповторимой российской цивилизации.

Для того, чтобы победить в этой терминальной схватке, требуется, как и в годы Великой Отечественной войны, объединение воли и усилий государства, общества, профессиональных сообществ, всех граждан. Действительно в достижение Великой Победы тогда внесли свой вклад все народы страны, все слои общества, профессиональные группы, включая психологов. Опыт работы отечественных психологов в годы Великой Отечественной войны особенно ценен тем, что он показывает, каких серьезных результатов может достигнуть небольшое по численности, распределенное в огромном пространстве сообщество профессионалов, не имеющих сформированной внутренней структуры, средств оперативной связи, информационных ресурсов, материально-финансовых средств, но движимое мощной мотивацией.

Этот опыт чрезвычайно ценен сегодня. И хотя он неоднократно подвергался научному анализу, при каждом обращении к нему, он открывается новыми гранями, предоставляя исследователям доступ все новым и новым ресурсам. В преддверии 80-летия Великой Победы попытка еще более пристально всмотреться в военно-научный подвиг наших великих предшественников представляется особенно актуальной.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы актуализировать и систематизировать в соответствии с потребностями сегодняшнего дня опыт профессиональной деятельности отечественных психологов в годы Великой Отечественной войны, побудить современных российских психологов активно использовать этот опыт в своей профессиональной деятельности.

Методы исследования

Основным методом исследования выступил анализ документов и научной литературы. В рамках нашего исследования была сформирована обширная и репрезентативная коллекция научных публикаций, позволяющая отразить современное состояние изучаемой проблемы. Процесс отбора литературы проходил по пятиэтапной схеме, включающей следующие стадии: 1) разработка критериев для включения и исключения публикаций; 2) первичная идентификация релевантных источников; 3) предварительный отбор литературы для дальнейшего анализа; 4) оценка качества и соответствия отобранных работ; 5) итеративное формирование окончательной базы на основе финальной оценки качества и однородности данных.

¹ Рубио назвал конфликт на Украине «прокси-войной» между Россией и США. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/03/2025/67c90e239a79471bc30ddc45> (дата обращения: 20.03.2025).

² Там же

Ключевым требованием для попадания работы в базу была направленность публикации на качественное и детальное освещение деятельности отечественных психологов во время Великой Отечественной войны. Для поиска релевантных материалов использовалась платформа РИНЦ, что позволило охватить широкий спектр научных публикаций – от диссертаций и научных статей до рабочих документов. Анализ охватывал период с 1930 по 2024 год, и в общей сложности было рассмотрено 224 источника, из которых 57 оказались уникальными. Мы осознаем, что, несмотря на тщательность процедуры отбора, невозможно было учесть все потенциально подходящие публикации. Тем не менее, сформированная база данных представляется достаточной для анализа современной литературы, с возможностью её расширения для будущих исследований.

Результаты исследования

Подвиг отечественных психологов в годы Великой Отечественной войны невозможно оценить по достоинству, не приняв во внимание состояние психологической науки и практики перед началом этой самой страшной схватки между Добром и Злом в истории человечества.

Анализ научной литературы и документов, раскрывающих профессиональную деятельность психологов военной поры, показывает, что она брала свой старт в крайне неблагоприятных условиях. В то время в нашей стране только что отгремели политические кампании, конспирологические процессы, акции по борьбе за «чистоту рядов» в философии, педагогике и в важнейших прикладных отраслях психологии – педологии и психотехнике.

Вышедшее в 1936 году постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» стало сигналом к разгрому наиболее активно развивающегося направления психологии и педагогики – педологии. Кураторы педологии – народный комиссар просвещения А. С. Бубнов и его заместитель были расстреляны. Труды известных ученых, участвовавших в развитии педологических идей (Л. С. Выготский, П. П. Блонский, М. Я. Басов, А. Б. Залкинд, А.Ф. Лазурский и др.) были фактически запрещены [17, с. 14–22], а имена их авторов выведены из научного пространства на долгие годы.

Опубликованная в газете «Известия» в день выхода указанного Постановления статья экс-директора Института психологии, педологии и психотехники В. Н. Колбановского «Так называемая психотехника» была воспринята как команда к атаке и на эту отрасль психологии. Организатор и председатель Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии, президент Международной психотехнической ассоциации И. Н. Шпильрейн был расстрелян.

В 1939 году по ложному обвинению в заговоре был расстрелян известный военный деятель, один из разработчиков идей военной психологии и автор единственного в то время советского учебника по военной психологии Г. Д. Хаханьян.

Психология стала восприниматься как наука небезопасная. Психологи начали либо переqualificироваться физиологов, медицинских работников и др., либо заниматься «идеологически безопасными» темами [17].

Как результат этого, свернулось многие исследования в области педагогической и возрастной психологии, по общепсихологическим, социально-психологическим, психогигиеническим проблемам, вопросам психологии труда и методики психологических исследований. Закрылись все педологические и психотехнические лаборатории в различных городах страны, была свернута подготовка специалистов по этим направлениям, перестали выходить некоторые журналы психологического профиля, подверглись репрессиям ведущие психологи страны [12, с. 3–12]. Одновременно была ликвидирована сеть психофизиологических лабораторий в Красной Армии, работа которых направлялась на изучение психологических особенностей новых видов деятельности, изучение психических состояний и особенностей поведения военнослужащих в процессе нагрузок, при выполнении военно-профессиональных задач, определении професси-

онально важных качеств для той или иной военной профессии, а также на проведение практического профессионального психологического отбора [4]. В стране попросту не стало людей, называвших себя военными психологами.

Большинство научных военно-психологических идей и практикоориентированных положений, активно дискутировавшихся до и в послереволюционный периоды, конкретных психотехнологий (например, технологий психологического отбора) было просто запрещено для знакомства и использования. Опыт практической военной психологической работы в годы Русско-японской войны (1904–1905 гг.), в период Первой мировой и Гражданской войн не нашел воплощения в нормативных документах и организационно-штатных структурах Красной Армии и был, по существу, забыт. Книги по военной психологии были отправлены на недоступные полки библиотек, и практически были неизвестны широкому кругу психологов и военных руководителей.

Следует отметить и то, что в предвоенный период разрабатывались методологические установки и принципы, ставшие фундаментом для крупных научных школ, сформировавшихся в психологии, физиологии и психофизиологии, таких как школа В. М. Бехтерева, психология установки Д. Н. Узнадзе, культурно-историческая психология, деятельностный подход в его разных вариантах, физиология И. П. Павлова, теория функциональных систем П. К. Анохина, принцип доминанты А. А. Ухтомского, новаторские исследования движений человека Н. А. Бернштейна [5].

Однако, отечественные психологии того времени были ориентированы преимущественно «образовательно», то есть они существовали прежде всего для подготовки психологов. Существовал своеобразный замкнутый круг: психологи готовят психологов, чтобы готовить психологов [20]. Поэтому практически все направления деятельности по решению оборонных задач (за некоторым исключением проблем маскировки и психофизиологии восприятия объектов) были для психологов того времени новыми.

Московское психологическое общество, созданное 24 января (5 февраля) 1885 года в связи с высылкой из страны философов, в том числе председателя Общества И. А. Ильина, 15 июня 1922 года прекратило свое существование. Вследствие этого психологи лишились даже такого слабого инструмента координации совместной деятельности.

Как следствие этого специалисты в этой области не представляли собой единой общности и должны были в основном действовать по своему профессиональному призванию, находить сферу приложения своей компетентности, чтобы служить обороне в роли именно психологов [11, с. 3].

Таким образом, можно констатировать, что к началу войны «психология подошла отнюдь не на пике своего развития. Она только начинала восстанавливаться после урона, нанесенного в ходе «идеологических чисток», «методологических поворотов», «научных дискуссий» (реактологической, рефлексологической), так называемой марксистско-ленинской реконструкцией психологии начала и середины 30-х гг.» [12, с. 3–12].

Учет перечисленных обстоятельств позволяет понять и по достоинству оценить многогранный профессиональный и человеческий подвиг наших выдающихся предшественников в годы Великой Отечественной войны.

Исследование в рамках обозначенной темы показывает, что сколь бы великими не были крупнейшие мыслители, в том числе, психологии предвоенной поры, война для большинства из них наступила внезапно. Это не было их виной, скорее было бедой. Они были попросту «убаюканными» официальной пропагандой, провозглашавших до самого начала боевых действий «нерушимую дружбу с Германией». Неожиданность войны обусловила то, что у психологов попросту не было времени подготовиться к тому, чтобы планомерно и размеренно включиться в профессиональную деятельность с учетом потребностей обороны страны (определиться в сфере своей деятельности, собрать единомышленников, изучить необходимые материалы в интересующей области и т.д.). Все приходилось делать «с колес», часто «наощупь», выстраивая одновременно и методологию, и методику, и организацию исследований.

Крупнейшие психологи того времени А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн и др. отмечали, что психологи страны, как и все ее научное сообщество, мгновенно сплотились вокруг идеи направить

свою научную работу на помощь делу обороны нашей Родины, на помощь фронту [21, с. 18] и каждый знал, что должен найти свое место в этой борьбе [19, с. 129].

Перед психологами с началом войны встало огромное количество принципиально новых по масштабу, актуальности, социальной значимости, содержанию, возможным способам решения задач.

В литературе представлены различные основания для градации тех задач [3; 4; 5; 11; 12; 21; 22]. В данной работе задачи будут представлены в том виде, как они диктовались жизнью. Поэтому их перечень будет включать и теоретические, и прикладные, и практические задачи, реализуемые по следующим направлениям:

- сохранение научно-психологических кадров и перевод их деятельности на режим работы военного времени;
- разоблачение реакционной, человеконенавистнической сущности фашизма;
- содействие военным и административным органам в обеспечении маскировки важнейших военных, административных, производственных и культурных объектов;
- содействие структурам местной противовоздушной обороны в повышении эффективности их деятельности;
- исследование путей и методов расширения перцептивных возможностей воинов ведущих боевых специальностей;
- обоснование методов формирования у советских воинов смелости, мужества, воли, смелости, предупреждения негативных морально-боевых состояний;
- изучение психологических особенностей управленческой деятельности командиров и выработка практических рекомендаций по повышению эффективности управления войсками;
- обоснование методологии и технологий психологической реабилитации раненых воинов и организация практической психореабилитационной работы с ними;
- совершенствование теории и практики допроса пленных военнопленных;
- укрепление организационных основ для развития психологии в стране;
- осуществление научных исследований, нацеленных на формирование послевоенного будущего науки.

Рассмотрим наиболее крупные и важные из этих направлений, принципиально раскрывающие вклад психологов в достижение Великой Победы.

Прежде всего, война диктовала необходимость быстрого перевода всех сфер жизни общества, в том числе психологической науки и практики на «военные рельсы».

Трудность состояла в том, что уже в первые дни войны многие психологи поступили на военную службу как военнообязанные или ушли добровольцами в народное ополчение. Некоторые, в том числе крупные, психологи, оказавшиеся на фронте, были оперативно возвращены с передовой А. Н. Леонтьев, Б. М. Теплов, К. Х. Кекчеев [18, с. 79–80], Б. М. Теплов, А. А. Смирнов, П. И. Размыслов [22] и многие другие.

Однако очень многие специалисты дрались с врагом на фронте. Среди них: В. В. Богословский, А. В. Веденов, А. И. Галактионов, М. В. Гамезо, А. Д. Глоточкин, М. Д. Громов П. И. Зинченко, Е. И. Игнатьев, В. И. Кауфман, В. И. Киреев, А. Г. Ковалев, Е. С. Кузьмин, Г. Д. Луков, М. Ф. Морозов, М. М. Нудельман, А. В. Петровский, К. К. Платонов, Я. А. Пономарев, П. А. Просецкий, А. З. Редько, М. С. Роговин, Ю. А. Самарин, Е. Н. Соколов, Б. И. Хотин, Д. Б. Эльконин, С. Н. Шебалин, Ф. Н. Шемякин, А. И. Щербаков и другие. В медицинских учреждениях трудились врачи по образованию А. В. Веденов, В. Н. Колбановский, В. Н. Мясичев, К. К. Платонов [13; 23; 24].

Крупные отечественные психологи оперативно формировали вокруг себя многоцелевые профессиональные коллективы, способные в условиях дефицита информации, времени, ресурсов, одновременно, методом «параллельной работы», решать задачи теоретического осмысления военной реальности, экспериментальной проверки сформулированных идей и разрабаты-

вать технологии решения крупных психологических проблем. В обстановке отсутствия оперативной связи такие рабочие коллективы «вырастали» на местах, преимущественно из числа вузовских и лабораторных психологов.

В Ленинграде сформировалась группа ученых и практиков вокруг Б. Г. Ананьева. В Москве – группы под руководством К.Х. Кекчеева, А.Н. Леонтьева, А. Р. Лурии. В Тбилиси – команда под руководством Д.Н. Узнадзе и т.д.

Тревожная обстановка на фронте, регулярные и мощные авианалеты врага на крупные города европейской части страны, на маршруты эвакуации, действие диверсионных групп противника, отсутствие элементарных условий для жизнедеятельности (тепла, света, воды, а порой и пищи) оказывали негативное воздействие на работу ученых. Мощным негативным фактором являлась необходимость эвакуации коллективов ученых в тыл, иногда по несколько раз. Так, сформировавшаяся в Ленинграде группа ученых Института мозга во главе с Б.Г. Ананьевым, сначала эвакуировалась в Среднюю Азию, затем в г. Тбилиси, и наконец, назад, в Ленинград. Группа московских психологов во главе с А.Н. Леонтьевым также первоначально эвакуировалась в Среднюю Азию, затем на Урал, и вновь, возвратилась в Москву и т.д.

Эти дальние и сложные переезды не только отнимали много времени, требовали от ученых адаптации к новым климатическим условиям и социально-культурной среде, они также не позволяли им перевозить с собой необходимый объем литературы, научных материалов, требовавшихся для работы. Часть таких материалов попросту утрачивалась в ходе подобных перемещений.

Исследователи отмечают, что наши великие предшественники справились с этими нечеловеческими трудностями. Путем невероятных усилий им удалось изменить организационную структуру науки, тематику исследований, направления работы и формы их практической реализации, систему подготовки научных кадров. Заметно усилилась прикладная направленность психологических разработок и сократились сроки их выполнения, выросли открытость и доступность результатов исследований широкому кругу ученых и практических работников, налажилось взаимодействие ученых разных областей знания в целях повышения эффективности решаемых ими практических задач, осуществлялся целостный цикл психологических разработок – от теоретического обоснования проблемы через ее экспериментальную проверку и до практического внедрения [2, с. 64].

Это требовало больших организаторских, физических и эмоциональных усилий. В тех непростых условиях ученые-психологи продемонстрировали подлинное мужество и высочайшую профессиональную ответственность.

В Ленинграде, повседневно испытывающим авиационные и артиллерийские удары врага, в педагогическом институте им. А. И. Герцена мужественно трудился профессор С. Л. Рубинштейн, неустанно погруженный в решение сложных проблем функционирования крупнейшего педагогического вуза страны в условиях войны [1, с. 49]. Институт продолжал готовить студентов и аспирантов, причем, ежегодно увеличивая их численность [13]. Если в 1942–1943 гг. в институте обучались 287 студентов и 26 аспирантов, то в 1943–1944 гг. уже 811 студентов и 32 аспиранта. Если в 1943 году окончили институт 79 студентов и 5 аспирантов, то в 1944 году – 120 студентов и 6 аспирантов [25].

В Москве вынужден был временно взять на себя бразды правления Психологическим институтом А. Н. Леонтьев, избранный на пост руководителя оставшимися в городе учеными.

Благодаря таким людям, настоящим лидерам и организаторам, «пульс психологической жизни» был как никогда ранее отчетливо слышен в воюющей стране.

Чтобы обеспечить осажденному Ленинграду возможность сопротивляться врагу, трудиться и жить, нужно было защитить людей, а также *осуществить маскировку пунктов административного управления, важнейшие социальные, промышленные и культурные объекты.*

Ленинградские психологи оперативно взялись за это дело. Уже в первые недели войны группа сотрудников Отдела психологии Ленинградского института мозга им. В. М. Бехтерева (А. И. Зотов, З. М. Беркенблит, Р. А. Каничева и др.), возглавляемая Б. Г. Ананьевым в тесном

сотрудничестве с архитекторами Управления Ленинградского Совета [8] и с известными промышленными альпинистами, включилась в решение этой важнейшей государственной задачи. Используя предвоенные научные наработки, посвященные изучению особенностей зрительного восприятия цветовых характеристик городских объектов, они оперативно адаптировали их к исследованию восприятия с воздуха, с высот, с которых противник наносил авиаудары (от 3 до 12 км). Для этого на башне Исаакиевского собора был создан экспериментальный пункт, с использованием которого исследователи провели более 300 экспериментов, активно изменяя размеры, материалы, цвет и текстуру моделей объектов, подлежащих маскировке [8].

В ходе этих экспериментальных исследований ученые внесли существенные поправки в действующую в то время теорию цветового восприятия, выработали новые научные положения в области восприятия и маскировки объектов, и уже осенью 1941 года были представили научно обоснованные рекомендации по маскировке конкретных объектов Ленинграда военному командованию.

Результат оборонной работы психологов говорит сам за себя: вражеская авиация и крупнокалиберная артиллерия почти 900 дней и ночей наносили удары по Ленинграду, но благодаря его умелой маскировке удалось «спрятать» от врага и спасти многие величайшие шедевры отечественной архитектуры и культуры [10, с.139].

Однако, маскировки объектов было недостаточно для их спасения. Нужно было дать нашим зенитчикам и летчикам реальный психологический ресурс, позволявший уничтожать врага более эффективно. Для этого противника нужно было обнаруживать как можно раньше и действовать в реальном воздушном бою как можно эффективнее.

И такой ресурс психологами был предложен. Так, А. Н. Леонтьев и К. Х. Кекчеев, опираясь на исследования С. В. Кравкова, предложили нашим боевым летчикам препарат ВР10 (вегетативный рефлекс), который состоял из аскорбиновой кислоты и глюкозы [9; 11; 14]. Эксперименты показали, что препарат позволял сократить время темновой адаптации в 8 раз (с 40 мин. до 5 мин.). То есть наши летчики дежурных смен могли взлетать в ночное небо и сразу же «зряче» вступать в ночной бой с противником.

Л. А. Шварц установила условия, при которых существенно нарушаются устойчивость ясного видения и слуховая чувствительность, и предложила меры по их профилактике и устранению. Это позволило в 2–4 раза повысить чувствительность и эффективность наблюдения военнослужащих расчетов ПВО [61]. Фактически это означало, что, выполняя эти рекомендации воины-зенитчики могли теперь сбивать в 2–4 раза больше вражеских самолетов.

В блокадном Ленинграде с участием психологов (в частности, В.Н. Мясичев выступал в этом вопросе как эксперт, также использовались наработки А. В. Ярмоленко о компенсаторных взаимоотношениях органов чувств) для более раннего и точного обнаружения вражеских самолетов стали привлекаться «слепые слухачи» – слепые с рождения люди. Они могли обнаруживать вражеские цели в воздухе на такой дальности и высоте, которых ранее не давали зрячие бойцы. Слепые слухачи могли не только засечь звук приближающегося самолета врага, но и указать на его конкретное положение в воздушном пространстве, на динамику его движения и даже на тип самолета [8].

Таким образом, психологи предложили стране такие научно обоснованные решения и технологии, которые могли спасти жизни многим сотням тысяч людей, сохранить великие культурные достояния нашей Родины.

Чтобы победить сильного, уверенного в себе, хорошо вооруженного противника, необходимо было использовать все возможные психологические ресурсы. Психологи психофизиологической лаборатории под руководством К. Х. Кекчеева исследовали все имеющиеся возможности, чтобы сделать нашего воина более «зрячим», чутким, внимательным, способным быстро обнаруживать и поражать врага [10, с. 140], особенно в ночное время, когда враг был менее всего деятелен. Ученые сосредоточились на обосновании методов: а) ускорения адаптации глаз к темноте, б) борьбы с ослеплением светом прожекторов, в) использования феномена сенсibilизации слуха и зрения, г) звукомаскировки, д) различения быстро движущихся объектов, ж) развития глазомера и т. д. [9, с.101 – 103].

Сотрудниками лаборатории был разработан своеобразный «каталог» приемов, включавший в том числе приемы быстрой темновой адаптации [9, с.102], сокращающие ее в разы: одномоментное форсированное дыхание, рефлекторно возбуждающее симпатическую иннервацию; использование целенаправленного эмоционально-волевого напряжения; таблетка ВР-10 (вегетативный рефлекс); приятная музыка; приятные вкусовые ощущения (сосание кусочка сахара, сладко-кислых таблеток); обтирание лица холодной водой, легкая мышечная работа, форсированное дыхание, прикладывание холодного компресса к затылку и др. Эффекты, получаемые с помощью данных приемов, сохранялись на протяжении достаточно длительного времени (от 1 до 3 часов).

В сложное военное время были изысканы возможности для издания блестящих и крайне важных для воинов и командиров книг К. Х. Кекчеева «Психофизиология маскировки и разведки» (1942), «Ночное зрение (как лучше видеть ночью)» (1942), «Как лучше видеть в темноте» (1943), «Зрение и слух в морской войне» (1944).

Достижения лаборатории К. Х. Кекчеева были настолько значимыми для боевой практики, что о них как о секретном оружии говорили даже в высоких штабах союзнических войск, его книги и статьи оперативно переводились на иностранные языки. Зарубежные военные руководители отмечали, что исследование советского ученого Кекчеева может «увеличить военные усилия объединенных наций» [20а].

Находясь в эвакуации в г. Ашхабад, А.Н. Леонтьев с коллегами, проведя экспериментальные исследования, сформулировал рекомендации руководству пограничных частей по оптимизации сигнальной коммуникации с помощью блокнотов из красной афишной бумаги.

Психологи [цит. по: 2], ведя поиск «психологических пружин» боевой активности и эффективности, исследовали чувства чести и его достоинства (И. Пономарев, 1944), патриотизм и верность долгу (К.Н. Корнилов, 1941), отвагу, мужество и героизм (И.А. Каиров, 1942; Н.А. Коновалов, 1943; Л.Н. Мосиав, 1943; А.К. Перов, 1945; Д.И. Рамишвили, 1943; М.М. Рубинштейн, 1943; М.П. Феофанов, 1941; Г.А. Фортунатов, 1942 и др.), волю (Н.Д. Левитов, 1944 [15; 16]); активность, инициативность и самостоятельность в принятии ответственных решений (Н.П. Ферстер, А.А. Черникова, Н. Сальманов), дисциплинированность и выносливость (Л.М. Мосиав, 1941; С. Сарычев, Ф. Спиридонова, 1944; В.А. Хрусталева, 1942). Особое внимание обращалось на мотивационные аспекты деятельности бойцов, среди которых выделялись прежде всего моральные мотивы, общественно значимые по своему характеру, составляющие».

Параллельно исследовались особенности мышления командира, механизмы принятия им решений и руководства подчиненными. Этой теме было посвящено исследование Б. М. Теплова, завершившееся выходом его книги «Ум полководца» [26]. Теплов выделил важнейшие качества мышления полководца: быстрота и неторопливость, осторожность и смелость, гибкость и устойчивость, возможность охватить целое и детали, способность предвидеть изменения обстановки и целеустремленно решать задачи в условиях повышенной опасности и др. [3]. Это давало возможность более качественно отбирать кандидатов на командирские должности, целенаправленно осуществлять их подготовку в военных учебных заведениях, курсах.

Огромный размах, ожесточенность и бескомпромиссность военных действий в годы войны обусловили большое количество раненых военнослужащих. Героическим трудом отечественных медицинских работников абсолютное большинство раненых возвращались либо в боевой строй, либо в народное хозяйство. Психологи увидели здесь свою задачу в том, чтобы *обеспечить психологическую реабилитацию раненых*, ускорять и оптимизировать восстановление у них движений и высших психических функций [3; 9].

За редким исключением (кроме А. Р. Лурии и Б. В. Зейгарник) психологи не имели довоенного опыта психологической помощи раненым [17; 19, с. 130]. Поэтому им приходилось за короткое время вдали от столичной научной базы «поднимать» огромный пласт новых знаний, действенно по крупицам собирать имеющийся в этой области опыт, выдвигать и экспериментально проверять смелые и оригинальные гипотезы, организовывать повседневную работу госпитальных и научно-трудовых коллективов.

Титаническим трудом психологов под руководством А. Р. Лурии и А.Н. Леонтьева была организована работа двух групп психологов в восстановительных госпиталях. В августе 1941 года в пос. Кисегач Челябинской области А. Р. Лурия организовал работу нейрохирургического эвакогоспиталя №3129, который до ноября 1944 года вел восстановительную работу с военнo-служащими с черепно-мозговыми травмами, сопровождающимися нарушением речевых и мыслительных функций.

Чуть позже, 6 сентября 1942 года под Свердловском в местечке Коуровка была создана Восстановительная клиника НИИ психологии МГУ на базе госпиталя № 4008 под научным руководством А.Н. Леонтьева и медицинским руководством П.Я. Гальперина. Госпиталь специализировался на восстановлении нарушенных движений воинов с повреждениями костей и мягких тканей верхних конечностей.

В группах А.Р. Лурии и А.Н. Леонтьева в общей сложности насчитывалось около 50 психологов. В частности, в них входили Э. С. Бейн, С. Г. Геллерштейн, А. В. Запорожец, Б. В. Зейгарник, О. П. Кауфман, Б. Б. Митлина, С. Я. Рубинштейн, Д. Н. Рейтерберг [6, с. 29–34; 7], Т. О. Гиневская, З. М. Золина, А. В. Запорожец, А. Г. Комм, В. С. Мерлин, Я. З. Неверович, Е. Д. Польшковский и др. [10, с.145].

Восстанавливая и возвращая стране людей, способных решать различные оборонные задачи, психологи одновременно формулировали новые важные теоретические положения, изменявшие облик и медицины, и психологии, и образующими теоретико-методологическую основу нейропсихологии. Именно во время войны и ближайший послевоенный период нейропсихология превратилась в самостоятельную отрасль психологической науки [19, с. 130–131].

В психореабилитационной практике с ранеными бойцами психологии на практике реализовывали принцип «Лечить не рану, а раненого».

Исследователями были разработаны идеи о внутрисистемной и межсистемной перестройке функциональных систем путем компенсационного включения в осуществление нарушенной деятельности новых сохранных структур мозга. Это помогало более эффективно решать задачи восстановления движений и речи, письма и чтения, слуха и зрения, процессов счета и пространственных операций, динамики мыслительных и познавательных процессов, компенсировать дефекты праксиса и гнозиса. Благодаря их деятельности многие раненые были возвращены к активной боевой и трудовой деятельности [2].

С. Г. Геллерштейном была обоснована реабилитационная ценность именно трудовых движений, социально значимого труда, трудовой терапии в восстановлении двигательных нарушений, в отличие от традиционной лечебной физкультуры, в которой полезное движение было самоцелью.

Приобретаемый в ходе войны реабилитационный опыт оперативно обобщался, анализировался, систематизировался и представлялся в солидных даже по спокойным мирным временам научных публикациях (Геллерштейн С. Г. Восстановление трудоспособности, трудотерапия и трудоустройство в системе работы эвакогоспиталей. М., 1942; Запорожец А. В., Рубинштейн С. Я. Методика восстановительной трудовой терапии при ранении верхних конечностей (1942); Геллерштейн С. Г. Восстановительная трудотерапия в системе работы эвакогоспиталей. М., 1943; Геллерштейн С. Г. Трудовая терапия в эвакогоспиталях. Инструктивные материалы» (1944); Леонтьев А. Н., А. В. Запорожец. Восстановление движения. Психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения (1945)). Чуть позже, в 1948 году вышла блестящая работа А. Р. Лурии «Восстановление функций мозга после военной травмы. М., 1948.

В психологической реабилитации раненых бойцов Красной Армии принимали также активное участие Б. Г. Ананьев, Д. Н. Узнадзе с коллегами (Тбилиси), А. А. Ухтомский с коллегами (Физиологический институт Ленинградского университета), Н. Н. Ободан, А. Н. Давыдова, О. И. Галкина (Ленинградский научно-исследовательский институт экспертизы трудоспособности и трудоустройства инвалидов) [6, с. 29–34; 13].

Опыт этой работы был проанализирован в том числе на состоявшейся в июне-июле 1944 года масштабной научной конференции, в которой приняли участие не только психологи, но и

физиологи, неврологи и хирурги, сотрудники Центрального института ортопедии и травматологии НКЗ СССР, Института трудовой экспертизы [5].

Все сделанное психологами в области реабилитации раненых позволило вернуть к активной боевой и трудовой жизни тысячи раненых, которые внесли дополнительный вклад в Великую Победу.

Естественно, участвуя в решении судьбоносных для страны задач в годы Великой Отечественной войны, психология сама росла в теоретическом и практическом отношении, крепила свой организационный строй, завоевывала доверие и авторитет в нашем обществе.

Уже в конце декабря 1941 года, в эвакуированном в далекий Ашхабад Московском университете, был восстановлен философский факультет, в состав которого был введен Психологический институт. С 1 октября 1942 года на факультете заработали кафедра и отделение психологии [11]. На кафедре под руководством С. Л. Рубинштейна (также возглавлявшего в 1942–1945 гг. и Психологический институт) объединились такие крупные ученые, получившие опыт работы в условиях военного времени, как П. Я. Гальперин, К. М. Гуревич, А. В. Запорожец, С. В. Кравков, Н. Н. Ладыгина-Котс, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. А. Смирнов, Б. М. Теплов [5].

В 1943 году на философском факультете Ленинградского университета также заработала кафедра психологии во главе с Б. Г. Ананьевым, объединившая целую плеяду психологов военного времени: В. Н. Мясищев, А. В. Ярмоленко, Г. З. Рогинского, В. И. Кауфман, Н. В. Опарину и др. Позже в университете начало функционировать психологическое отделение и началась подготовка психологов.

В октябре 1943 года была создана Академия Педагогических наук (АПН), в структуре которой были сформированы психологическое и педагогическое отделение. В АПН был включен Московский институт психологии. С.Л. Рубинштейн был избран членом-корреспондентом АН СССР и впервые представил психологическую науку в академическом сообществе [13].

Выводы

Таким образом, отечественная психология за годы Великой Отечественной войны превратилась в науку и практику, доказавшую свою состоятельность, раскрывшую свой огромный созидательный потенциал, завоевавшую признание государства и общества. Она смогла ответить на важнейшие запросы военного времени.

Подобно былинному герою она прошла «огонь» и «воду» военных испытаний, вышла из них обновленной, с новыми силами, ресурсами, статусом. После того, что сделали психологи военной поры, психология лишилась имиджа «падчерицы», уверенно шагнула в мировое научное пространство. Быть психологом стало престижно.

Выдающиеся психологи военного времени, работая в режиме повседневного подвига, не имея порой четкого государственного заказа, ориентируясь по запросам боевой практики, создали отечественную психологическую науку мирового уровня – науку, охватывающую огромное теоретическое пространство, науку, способную совершенствовать мир. Эти психологи – герои своей профессии, отразившиеся в зеркале Великой Отечественной войны.

Отечественная психология усвоила важнейшие уроки, сформулированные логикой Великой Отечественной войны: психология должна быть постоянно готова положить свой потенциал и ресурсы на алтарь обороны страны, обеспечения благополучия российского общества и каждого отдельного гражданина; настоящую славу психологии делают не открытия, совершаемые в тиши научных кабинетов, а люди (труженики, бойцы, простые граждане), с надеждой и благодарностью обращающиеся ее достижениям.

Подвиг психологов в Великой Отечественной войне играет роль огромного зеркала, в котором детально отражаются как доблести, так и слабости психологов наших дней. В год 80-летия Великой Победы это зеркало отражает нас предельно детально. Сегодня каждый специалист-психолог должен пристально всматриваться в это зеркало, примерять на себя профессиональный подвиг психологов-героев.

Библиография

1. Ананьев Б. Г. Из оборонного опыта советской психологии // Советская педагогика». 1943. № 2–3.
2. Артемьева Т. И. Советские психологи в годы Великой Отечественной войны (К 60-летию Великой Победы) // Психологический журнал. 2005. №5. С. 64–69.
3. Барабанщиков А. В. Советская психология в годы великой Отечественной Войны // Вопросы психологии. 1985. № 2. С. 12–22.
4. Дьяченко М. И., Кандыбович С. Л., Караяни А. Г. История отечественной военной психологии: учебник / (2-е издание, переработанное и дополненное) М., 2021.
5. Ждан А. Н. Фундаментальная наука и практика в советской психологии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. 2015. №2. С.4–14.
6. Зейгарник Б. В., Рубинштейн С. Я. Психология в годы войны // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. 1985. №2. С. 8–12.
7. Зейгарник Б. В. Ученые психологи в годы Великой Отечественной войны // Психология инвалидности: хрестоматия. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. С. 29–34.
8. Каничева Р. Л., Ярмоленко А. В. Ленинградские психологи в годы войны // Психологический журнал. 1985. №6.
9. Караяни А.Г. Военная психология: учебник и практикум. М. : Юрайт, 2020.
10. Караяни А. Г., Кандыбович С. Л. Психологический фактор Великой Победы // Человеческий капитал. 2020. № 4(136). С. 135–150.
11. Климов Е. А., Носкова О. Г. Психологические знания о труде – обороне страны (30-40-е годы) // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. 1985. № 2. С. 3–8.
12. Кольцова В. А., Олейник Ю. Н. Работа советских психологов в годы Великой Отечественной войны // Психологический журнал, 1995, №3. Том 16 с. 3–12.
13. Кольцова В. А., Олейник Ю. Н. Психологи в годы войны: подвиг на века // Знание. Понимание. Умение. 2005. №2. С. 40–51.
14. Кулина Д.Г., Патрушев К.В. А.Н. Леонтьев как организатор психологической науки в годы Великой Отечественной войны. [Электронный ресурс] / Д.Г. Кулина, К.В. Патрушев // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: сетевой журн. 2015. № 2 (9). URL: <http://humjournal.rzgm.ru/art&id=142> (дата обращения: 05.03.2025).
15. Левитов Н. Д. Воля и характер бойца // Военный вестник. 1944. № 1.
16. Левитов Н. Д. Презрение к смерти рождает героев, кует победу // Красная звезда. 1941. 30 авг.
17. Левченко Е.В. Как работа психологов в годы Великой Отечественной войны повлияла на развитие и судьбу отечественной психологии // Будущее клинической психологии – 2015: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (25 апреля 2015 г.) / под ред. Е.В. Левченко. Пермь, 2015. С. 14–22.
18. Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова Е. Е. Алексей Николаевич Леонтьев: деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005. 431 с.
19. Лурия А. Р. Этапы пройденного пути. Научная биография. М., 1982. 182 с.
20. Петровский А. В. Психология и время. СПб. : Издательство Питер, 2006.
- 20а. Раевская М. Как психологи во время войны помогали побеждать мглу. В эти дни 70 лет назад совершился перелом в Великой Отечественной // Вечерняя Москва. 2015. 6 февраля.
21. Рубинштейн С. Л. Советская психология в условиях Великой Отечественной войны // Человеческий капитал. 2020. № 4(136) Дайджест. С.15–28.

22. Серова О. Е., Гусева Е. П. Научная жизнь и научные исследования психологического института в 1941–1945 годах: 70-летию Великой Победы посвящается // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. С. 124–131

23. Смирнов А. А. Советские психологи – обороне Родины в годы Великой Отечественной войны // Вопросы психологии. 1975. №2. С. 13–30.

24. Смирнов А. А. Советские психологи в годы Великой Отечественной войны // Вопросы психологии. 1975. №4. С. 124–126.

25. Соболев Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.–Л., 1966.

26. Теплов Б. М. Ум полководца. М. : Педагогика, 1990. 203 с.

THE FEAT OF RUSSIAN PSYCHOLOGISTS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR – A MIRROR FOR POSTERITY

Karayani A. G.

Academy of the National Guard Troops

Abstract

The article reviews the historical experience of domestic psychologists during the Great Patriotic War, emphasizing their contribution to the defense of the country and the development of psychological science. The author shows that the war demanded an urgent transfer of psychological practice to the military, which became a challenge for the scientific community. Analyzing documents and literary sources, the study reveals the variety of tasks set before psychologists: from developing methods of camouflaging objects and increasing the effectiveness of night vision to creating technologies for psychological rehabilitation of the wounded and optimizing the management of troops. Under conditions of resource shortages and evacuations, scientists quickly organized work teams, which contributed not only to military achievements, but also laid the foundation for theoretical knowledge in psychology. The conclusions of the work show that the feat of wartime psychologists became the foundation for the formation of modern domestic psychological science and remains relevant in solving modern problems of defense and security. The article emphasizes the need for further study and use of the experience of military psychologists to improve scientific and practical activities in crisis conditions, which is especially important on the threshold of the 80th anniversary of the Great Victory. The study demonstrates that the experience of psychologists accumulated in the extreme conditions of war is a valuable resource for modern practice. Engaging this heritage contributes to the development of innovative methods of psychological support, improving the quality of defense and security, as well as to the formation of a cohesive scientific community capable of promptly responding to the challenges of the crisis.

Keywords

The Great Patriotic War, psychological science, domestic psychology, domestic psychology, disguise, psychological help, psychological rehabilitation